

Когда у своего питерского приятеля я попросил телефон Александра Лыкова, он в ответ замялся и сказал: «Вот, возьми, но трубку снимет Алла, это его жена. Как хочешь с ней, так и договаривайся».

Н-да-а... Думаю, что Деннису Тито сегодня легче пройти медосмотр в НАСА, чем журналисту добраться до тела артиста Лыкова. Там было все, вплоть до творческой аттестации. Впрочем, такие жены обычно играют положительную роль в жизни своих супругов... Короче, в результате долгих собеседований я был-таки приглашен на

спектакль «Обратная сторона бесконечности» в студийном театре «Особняк» на Каменноостровском проспекте.

После того как я, не шелохнувшись, почти три часа просидел в зрительном зале, а потом перекурил, приходя в себя, меня позвали в подобие гримерки, где и состоялся разговор.

Разговор с артистом от Бога Александром Лыковым. Я не боюсь его перехвалить, потому что испортить такого человека больше, чем он уже испорчен, просто невозможно

— Саша, как удобнее: на «ты» или на «вы»? — Да уж давай на «ты», вроде возраст один.

— Ну избежать темы твоего ухода из «Ментов» мы, так или иначе, не сможем, так что давай отбормимся сразу. Итак...

— Ну ушел-то я уже года два с лишним назад, но фильмы все время крутят, и поэтому меня все об этом и спрашивают... Ну не знаю я, почему ушел! И так себя спрашивал, и эдак — прямого ответа себе дать не могу.

— Послушай, но ведь тысячи актеров мечтают сесть вот на такой скорый поезд, который прямиком повезет их к славе и богатству, а ты с этого поезда прыгнул на полном ходу, зачем?

— Если бы там была другая команда, которая бы, поняв, что после того, как случайно получилась такая фишка, в смысле — успех, решила бы дальше снимать уже нормальное кино, я бы, может, и не ушел, а так... Ну ты ж видишь, что там с последними сериями: кто пишет, кто снимает — уже

— А-а... Ну тут весь «Ленфильм» на ушах стоял. Все уже были окончательно убеждены, что вопрос решен... Понимаешь, я очень глубоко уважаю и хорошо знаю Алексея Юрьевича, я у него еще в «Хрустале» маленькую роль тракториста сыграл... Я знаю, как он относится ко всему, что делает, и знаю, что он ПРОСТО ТАК не делает ничего. И когда на «Ленфильме» все шушукались: «Не говорите Лыкову, его удар хватит», — я все очень спокойно воспринял. С Германом всегда так. Он сам создает себе трудности, они в нем рождаются, он без этого не может. Когда все легко, он просто не знает, что делать!

— «Особняк» сейчас — твой постоянный театр?

— Нет. У меня нет сейчас ничего постоянного. Это наша учебная работа, нам самим интересно. Есть даже некоторые зрители, наши актеры питерские, которые уже шестой раз сюда приходят и тоже пытаются разобраться, что же такое мы делаем. Зачем приходят — не понимаю.

том пришел в Театр Ленсовета, отработал там три с половиной года, потом меня уволили...

— За?..

— Ну за всякие там нарушения разные... Слава богу, не за профнепригодность. Потом меня пригласили в Театр юного зрителя, там я сыграл профессора в «Эквусе», до сих пор люди вспоминают. Потом — Театр Ленинского комсомола, но там у меня не сложилось, подвел я ребята, честно говоря... Потом я уехал во Францию, пел там русские песни в ансамбле «Северные ворота». Древние такие песни пел, не попус, не «Золотое кольцо». Композитор Федько специально по деревням ездил, слушал, как это по-настоящему

— Мне, конечно, приятно, когда так называют, но... Как поверишь, что ты звезда, так все и заканчивается. Звезда же на небе не знает, что она — звезда! Это мы ее так называем. А звезда сама себя звездой не считает.

— А вот Катя Лель считает!

— Кто?..

— Катя Лель. И Влад Сташевский. Или Шура, например. Оно тоже верит, что оно — звезда!

— А кто эти люди?

— Это, Саша, звезды!

— А-а... Ну, тогда я не звезда. Я скорее «развездия». Это у меня с детства.

— А на улицах разве не достают? Типа — «ой, Казанова», а? Ты, кстати, на чем едешь, на метро или на машине?

Александр ЛЫКОВ:

ТЕАТР — ПОСЛЕДНЕЕ ПРИБЕЖИЩЕ ЧЕЛОВЕКА!

Известный стране как Казанова, он ушел не только из «Ментов», но отовсюду, где ему неинтересно. Играет в незарегистрированном театре

просто непонятно. Если ты их видел, то тебе должно быть ясно, почему я из ЭТОГО ушел. Я же все-таки артист, у меня же есть профессиональные требования, хотя бы к ремеслу...

— А ты понимаешь, что в сегодняшнем спектакле вы... потрогали самую суть?

— Нет. Я в нем совершенно ничего не понимаю. Я вообще не понимаю, как такую историю можно поставить на театре. Непонятно даже, с какой стороны браться! Но человеку просто обязательно нужно все время возвращаться в состояние ученика, тогда он не превращается в застывшую форму, а живет! Все должно жить, реагировать на изменения, особенно театр, если уж нам так повезло, что мы все время живем в эпоху перемен! Китайцы, говорили «упасти нас бог...», а мы — живем! Мало того, стремление к постоянным переменам ну совершенно неизживаемо в этой стране! А я... ну я же как бы сын своего народа, блин, и я не могу отказаться от его судьбы!

— Скажи мне, ты с Германом знаком?

— Да, конечно. Я месяц на пробах у него отработал, почти весь фильм сняли.

— А на кого пробовался?

— Да на Румату...

— Вот!!! А я сижу и мучаюсь: ну какой Яромольник — вот же он, дон Румата, вот он!

— А я понимаю! Им интересно, каким образом два человека на пустой сцене, НИЧЕГО НЕ ИГРАЯ, три часа держат зрителя в таком напряжении! Это же революция на театре! А кстати, кто-нибудь занимается тем, чтобы вы показали его на Театральной Олимпиаде в Москве?

— Да никто. Кому мы нужны.

— Ну а дальше как?

— Не знаю... да не в этом дело! Ремесло-то, слава богу, есть. А жить... ты же сам понимаешь, что никаких денег мы за это не получаем, откуда здесь деньги... Ну приглашают меня все время в антрепризы какие-то, в театры, но пока жена говорит, что деньги в семье есть, я могу позволить себе от неинтересного отказываться.

— А почему она выставляет такие барьеры тем, кто с тобой хочет пообщаться?

— Потому что она считает меня полным идиотом, который с людьми общаться не умеет. Все, в принципе, так, потому что журналисты хотят вытащить какой-нибудь скандал, а со мной это легко, я им все время подыгрываю.

— Ладно, давай заведем биографию. Ты в каком году окончил институт?

— По-моему, году в 84-м...

— Короче, в прошлом веке.

— И что потом?

— Потом я ушел в армию. Отмантулил в стройбате от звонка до звонка, даже больше. По-

петь надо. Горлом пели, даже с рычанием иногда... Ну научился я там петь, а потом вернулся, и меня в «Театр на Литейном» пригласили, открыли мы его спектаклем «Скупой» с Сеней Фурманом... Но потом и с «Литейного» мне пришлось уйти.

— Ты тяжелый человек, когда тебе неинтересно, да?

— А когда неинтересно, то зачем это все вообще? Сложно мне тогда. Не знаю, но веду себя, в общем, как-то... не коммьюнфо. Теперь даже и соглашаться боюсь, когда чувствую, что может стать неинтересно. И жена говорит: «Саня, ну куда ты лезешь, когда не хочешь! Опять разругаешься со всеми и уйдешь, не доделав работу! Тебя скоро вообще никуда приглашать не будут!» Я вообще ответственный человек, специально никого не кидаю, и наплевать к чужой работе у меня нет. Просто не могу больше, а объяснить почему, тоже не могу. Обидятся. Хотя настоящая ответственность у меня только одна — перед Богом.

— А что ты можешь сказать о понятии «звезда» и хочешь ли таковой быть?

— Ну-у... как бы... Наверное, да, но это просто остатки моих представлений о профессии. Мол, если актер, то должен быть человеком известным. А вообще... что такое — звезда?

— Вот, это я тебя спрашиваю.

— На машине. Но когда мне нужно почитать, то на метро. Больше мне читать негде. Дома у меня все время люди какие-то, дети уже взрослые, там у них свой шум-бурм...

В общем — в метро.

— Ну а КАК?

— Вот у меня есть кепочка, а теперь еще и борода... Да и техника есть такая особая — хождения со своим лицом, а главное тут, кстати, — своего лица не стесняться, оно ж мое, чего тут стесняться-то... Вот я кепочку поглубже надену и хожу. А на юге, в Крыму, там, конечно, тяжело! Меня везде уже начинают отслеживать, особенно хохлы почему-то «Ментов» лбят, просто смерть! Тут как-то на Домбай поехал на лыжах кататься, в гостинице выхожу в коридор, а там девахи такие стоят, с Днепроретровска приехали, кровь с молоком, гарные такие хохлушки, человек десять. Цап меня и говорят, что им в Днепроретровске специально денег собрали, чтоб поехать и меня пощупать. Что ты думаешь, прямо с лыжами затащили меня в номер и отщупали по полной программе!

— Этот эпизод можно оставить для печати?

— Да оставь, конечно! Жена знает, я ей все объяснил. Она поняла, что уж если девкам полгорода деньги собирали, то не отобьешься! Який

худенький, говорят... Хорошие девчонки...

— Ладно, давай опять «о высоком». Что же такое театр? В вашем спектакле есть реплика: «Театр — это последнее прибежище человека!» Это чья фраза, самого Кастанеды?

— Нет, думаю, что это Клим написал. Эта пьеса — его переосмысление Кастанеды. Ведь если ты внимательно прочитаешь Кастанеду, то это просто учебник по актерскому мастерству. Вот Клим его и сделал как пьесу.

— А кто это — Клим?

— Володя Клименко, режиссер, закончил мастерскую Васильева. У него даже театр в Москве был — «Подвал Клима». А сейчас он как-то отошел от постановок, от репетиций... Он рассказывал, что пришел в один московский театр и попросился на постановку, так ему ответили: «Знаешь, ты, конечно, гений, но ты погоди, у нас тут дела свои, нам надо спектакли поиграть, на халтуру съездить, колбасу порезать, так что не мешай нам с гениальностью своей, отойди пока...» Ну тут Клим и говорит: чего ж теперь вообще делать-то?.. И стал писать. А к нам эту пьесу принес Алеша Янковский.

здесь! Не только музыкальные, но и театральные! В 81-м году я впервые здесь попал на полунинских «Лицедеев» и был просто разбит, потом Антон Адашинский со своим «Деревом»...

Я: А вот их здесь нету теперь, город их выкинул! Город не хочет их энергии!

— Зачем же с таким настроением строить «Особняк»?

Я: Мы не строили театр, мы делали спектакль, который является симбиозом меня, Саши Лыкова и театра «Особняк».

— А что такое — театр «Особняк»?

Л: Это личная история Димы Поднозова, нашего партнера по спектаклю. Он здесь все сам сделал в этом бывшем Красном уголке. Двенадцать лет назад он сюда просто дворником устроился и все, включая сцену, своими руками сделал. Что дальше здесь будет — никто не знает, он говорит, хоть бы до лета дотянуть. Его никто не регистрирует, все это на балансе районной администрации, ты представляешь, какой лакомый кусок тут, в центре! Если сейчас никто не вступится, то этого помещения просто не будет! Ресторан какой-нибудь забабашают или магазин...

— А ты сам — оптимист или пессимист?

Л: Это сложный вопрос. Вот когда я к своему доктору прихожу, он меня смотрит и говорит: «Что же у тебя со спиной такое, ты что, вагоны разгружал?» Я ему говорю, что просто спектакль сыграл, а он не верит. А вот когда он сюда зашел, спектакль посмотрел, тогда говорит: «Да-а...» Потом на месяц запил. Сейчас, слава богу, вышел и тут мне сказал, что теперь знает, с кем можно театрального актера сравнить. Это ж, говорит, как гладиатор в Риме! А я потом подумал, ведь он прав. Если гладиатор красиво делал свое дело: красиво дрался, красиво убивал, не бежал ни от кого по арене, то ему никто пальцем вниз не показывал. Ему оставляли жизнь, и он был очень богатым человеком и через какое-то время даже мог получить свободу!

— А скажи, у тебя есть шанс получить свободу?

— Есть. Как у каждого из нас.

● Сергей МИРОВ
Петербург—Москва
Фото автора

● P.S. Уважаемые устроители Театральной Олимпиады! Пока не поздно, пригласите в Москву трех человек из города Петербурга. Ей-богу...